

В его голосе сквозила затаенная обида — так обиженные дети жалуются родителям на несправедливость.

Се Чунъянь знал: Чэн Фань редко позволял себе открываться перед кем-то. Прежде такое случилось лишь однажды, когда юноша умолял забрать его к себе. Но сейчас все было иначе. В этих словах, помимо горечи, угадывалось доверие и... робкая попытка покапризничать, ища защиты.

Се Чунъянь смягчил тон и снова спросил:

— Ты ранен?

Чэн Фань качнул головой:

— Не больно.

Именно так — «не больно», а не «все в порядке» или «нет». И в этом упрямом ответе сквозила вся его неуступчивая натура.

Се Чунъянь почувствовал, как в груди что-то дрогнуло. Если до этого момента вся его нежность и забота на публике были лишь тонко разыгранным спектаклем, то сейчас маска дала трещину. Что-то изменилось. По-настоящему.

— Дома обрабатываем царапины, — негромко пообещал Се Чунъянь.

Но стоило ему перевести взгляд на Чэн Аня, как теплота мгновенно испарилась, сменившись ледящей стужей.

Чэн Ань испуганно отшатнулся и затараторил:

— Я не нарочно! Это его кошак меня первый цапнул!

— Ты говоришь, он тебя укусил? — парировал Чэн Фань, выступая вперед. — И где же раны? Если он тебя не тронул, зачем ты вообще полез к нему, зная о своей аллергии? Момо спокойно играл у моих дверей. Твоя комната на третьем этаже — какого черта ты забыл здесь, в моем крыле?

Чэн Аню нечего было ответить. Он затравленно зыркнул на мать, безмолвно умоляя о заступничестве.

Госпожа Чэн, конечно, обо всем догадалась: сынок опять сорвал злость на животном, за что и получил от Чэн Фаня сдачи. Тем не менее она попыталась как-то сгладить углы. Но не успела она вымолвить и слова, как ее бесцеремонно прервал Се Чунъянь.

— Госпожа Чэн, — ледяным тоном произнес он. — Когда в караоке ваш старший сын позволил себе дерзость в мой адрес, я списал это на глупость и незрелость. Но случившееся сегодня наводит на мысль, что дело в другом. Похоже, молодой господин испытывает личную неприязнь ко мне.

Женщина побледнела и замахала руками:

— Что вы, как можно!

Се Чунъянь ленивым жестом поправил дужку очков. Вся его привычная благожелательность и мягкость улетучились без следа. За золотистой оправой скрывался взгляд хищника — пронзительный и безжалостный.

— Этот котенок — мой подарок Фань-Фаню на день рождения, — ровно продолжал Се Чунъянь. — Вещь для нас обоих глубоко личная и ценная. Измываясь над питомцем, ваш старший сын пытался выместить злость на мне?

Отец Чэн поспешил вмешаться, пытаясь спасти положение:

— Директор Се, уверяю вас, Ань-Ань и подумать не мог ни о чем подобном! Ручаюсь вам!

Се Чунъянь проигнорировал его слова. Опустив взгляд на порванную одежду юноши, он негромко заметил:

— Надо же, даже манжеты во время потасовки разорвал.

Слова прозвучали вскользь, но у госпожи Чэн внутри все похолодело. До нее наконец дошло, насколько двусмысленно выглядит ее молчание. Она так и не вступилась за Чэн Фаня. Схватившись за соломинку, она запричитала:

— Сяо Фань, братец твой совсем ума лишился, меры не знает! Не переживай, я сама его проучу!

Чэн Фань даже не взглянул на нее. Больше всего его сейчас заботило то, что Се Чунъянь сочтет его слабым и не умеющим постоять за себя. Смутившись, он поспешно спрятал разорванный рукав за спину.

В этот момент Се Чунъянь вновь посмотрел на хозяйку дома:

— Раз уж вы решили наказать его, мешать не стану. Прошу, начинайте.

Мать и сын опешили. Чэн Ань в ужасе попятился на два шага.

Госпожа Чэн нерешительно занесла руку, но, взглянув на перепуганное лицо любимца, заговорила заискивающим тоном:

— Директор Се, Ань-Аню все-таки уже двадцать один год... Даже если его наказывать, не стоит делать этого при посторонних.

Се Чунъянь снисходительно усмехнулся:

— Вот как? Значит, для вас мы с Чэн Фанем — посторонние?

— Нет-нет, вы неправильно поняли! — испуганно запричитала женщина.

Улыбка мгновенно исчезла с лица мужчины.

— А я-то полагал, что мы без пяти минут родственники, раз уж я пришел к вам с открытым сердцем и чистыми намерениями. Что ж, видать, я переоценил свое значение в этом доме.

Отец Чэн окончательно потерял самообладание. Резко развернувшись, он с размаху влепил Чэн Аня звонкую пощечину. Удар был настолько неожиданным и сильным, что парень отлетел в сторону, хватаясь за горящую щеку.

— Директор Се, побойтесь бога! — взмолился напуганный глава семейства. — Вы для нас самый близкий человек! Не держите зла!

Се Чунъянь, небрежно засунув руку в карман брюк, безучастно смотрел перед собой, демонстративно игнорируя чужие оправдания.

Понимая, что на кону стоит судьбоносный контракт по проекту «Хуаси», отец Чэн мертвой хваткой вцепился в плечо старшего сына и нанес еще два сокрушительных удара.

— Живо извинись перед Сяо Фанем и господином Се! — прорычал он.

В глазах Чэн Аня заплескали искры, на губах выступила соленая кровь. Стоявшая рядом мать сгорала от жалости, но не сделала ни единой попытки удержать мужа. Сделка по «Хуаси» была их билетом в высшую лигу, пропуском в мир истинной элиты. Сжав кулаки, она заставила себя ожесточиться:

— Так его! Поделом! Может, хоть теперь ума прибавится. Нечего на младшего брата руку поднимать!

От боли Чэн Ань едва мог пошевелить челюстью. Заметив краем глаза, что на лестнице столпилась прислуга, жадно впитывающая каждое мгновение его унижения, он почувствовал, как к горлу подкатывает волна жгучего стыда и бешеной ненависти к Чэн Фаню.

Видя, что сын упорно молчит, отец замахнулся снова. Обезумевший от страха Чэн Ань сжался и, низко опустив голову, прохрипел:

— Чэн Фань... Прости. Я не должен был трогать твоего кота.

Чэн Фань одарил его презрительным взглядом, покрепче прижал к себе притихшего Момо и поднял глаза на Се Чунъяня:

— Пойдем отсюда. Мне тошно здесь находиться.

Мужчина согласно кивнул и, бросив на прощание еще один многозначительный взгляд на поверженного Чэн Аня, повел юношу к выходу.

В салоне автомобиля Чэн Фань сидел молча, прижимая к груди Момо и отрешенно глядя в окно. Се Чунъянь достал из бардачка дорожную аптечку, вытащил ватную палочку с йодом и негромко произнес:

— Чэн Фань, закатай рукав.

Это официальное обращение по имени резануло слух. За последние пару дней он привык слышать от Се Чунъяня ласковое «Фань-Фань». На людях тот вел себя безупречно, но сухой тон сейчас словно окатил холодной водой, мгновенно вернув юношу на землю.

Чэн Фань почувствовал укол досады.

"Зря я вообще ввязался во все это, да еще и заговорил с ним тогда... таким жалобным голосом"

— Я сам, — буркнул Чэн Фань.

Пересадив котенка на колени, он забрал у мужчины палочку. На его лице появилось преувеличенно серьезное выражение.

— Чтобы ты знал: я устроил эту сцену только ради того, чтобы подыграть тебе. Нужно же было показать твоей семье, как у нас все гладко. Так что не выдумывай лишнего.

Се Чунъянь на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся:

— Понимаю.

— Раз уж на то пошло, может, посветишь меня в свои планы? — продолжил Чэн Фань, задрав подбородок. — А то ты постоянно меня обнимаешь и строишь из себя влюбленного мужа. Со стороны можно подумать, будто ты по уши в меня влюблен. Хотя отрицать мою исключительность, конечно, глупо.

Он выдал это абсолютно серьезно, с непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Се Чунъянь, лениво положив руку на руль, не сдержал негромкого смешка.

— Доля в проекте «Хуаси», которую я предложил твоей семье, — это наживка. Стоит им заглотить ее поглубже, и пути назад не будет. Что касается моего второго дяди... Пусть думает, что наш брак идеален. Это подтолкнет его к сговору с семейством Чэн. Он решит, что через них сможет подобраться ко мне и выведать секреты, а я тем временем выведу на чистую воду всю его шайку.

Чэн Фань неопределенно хмыкнул, осторожно прижимая ватку к содранной коже на подбородке. То, что на лице красовалась ссадина, ужасно его расстраивало. Нацепив черную медицинскую маску, он выбросил использованную палочку.

— Остальное я обработаю дома. Сам. И смотреть тебе незачем.

— Договорились, — хмыкнул Се Чунъянь, не став спорить.

Какое-то время они ехали в молчании, прерываемом лишь тихим гулом мотора. Наконец Се Чунъянь спросил:

— В Университете К ведь начался досрочный набор?

— Да, — отозвался Чэн Фань, почесывая Момо за ушком. — Собеседование на следующей неделе.

— Номер готов?

Юноша гордо вскинул голову:

— Там и готовить особо нечего. Я уверен в своих силах.

— Костюм и реквизит проверил?

— Тот светло-голубой наряд? Я его уже раз пять осмотрел, все в порядке.

Чэн Фань заметил, что машина едет совсем не в сторону их дома. Почуввав его немой вопрос, Се Чунъянь пояснил:

— После полудня состоится благотворительный аукцион. Хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Мне обязательно снимать маску? — заколебался Чэн Фань. — У меня подбородок

расцарапан.

Се Чунъянь прекрасно знал, насколько этот капризный мальчишка дорожит своей безупречной внешностью.

— Оставь маску, ничего страшного.

Этот престижный аукцион, собиравший под своей крышей весь цвет высшего общества, устраивался влиятельным семейством Линь раз в два года. Нынешний вечер знаменовал собой юбилейный, десятый по счету прием. Стоило Се Чунъяню переступить порог зала, как все взгляды устремились на него. Несмотря на то, что он встал у руля корпорации «Сеши» меньше двух лет назад, местная элита уже успела сполна оценить его жесткий деловой стиль и бескомпромиссную хватку.

Оставив Момо на попечение секретаря Циня, Чэн Фань послушно следовал за своим спутником, с любопытством разглядывая роскошное убранство банкетного зала. Неподалеку стайка безупречно одетых, изящных светских львиц о чем-то перешептывалась, бросая на него оценивающие взгляды.

Се Чунъянь слегка склонился к его уху:

— Перекуси пока чем-нибудь, мне нужно отлучиться по делам.

Чэн Фань кивнул и направился к уединенным диванчикам в глубине зала. Перед началом приема секретарь Цинь успел раздобыть для него новое пальто взамен порванного. Фасон был ультрамодным, однако плотная, жестковатая ткань неприятно натирала свежие царапины на шее.

Маска скрывала почти все его лицо, оставляя открытыми лишь выразительные янтарные глаза. Почувствовав усталость, Чэн Фань прислонился к мягкой спинке дивана. Из-за его хрупкого телосложения казалось, будто он полностью утонул в глубоких кожаных подушках.

В этот момент мимо неторопливо прошли несколько девушек, увлеченно сплетничая.

— Сколько Се Чунъянь руководит делами, о его личной жизни вообще ничего не было слышно, — в недоумении рассуждала вторая барышня из семьи Е. — И тут как гром среди ясного неба — какой-то незаметный выскочка из семейства Чэн! С чего вдруг?

— Мой брат рассказывал, — заговорщически понизила голос старшая барышня семьи Фэн, — что первой любовью брата Чунъяня был Чэнь Мусин, младший сын благородного семейства Чэнь из Жунчэна. Несколько лет назад они расстались, потому что Мусин уехал за границу учиться балету.

— Из того самого семейства Чэнь? — заинтересовалась золотая госпожа Бай.

— Ну конечно, — Фэн приподняла брови. — Слышала про директора Чэнь Ичуаня, который заправляет всеми крупными стройками? Чэнь Мусин — его родной брат.

Разговоры бездельниц утомляли. Чэн Фань лениво приоткрыл глаза и поднялся с дивана, намереваясь уйти в уборную.

Заметив внезапно выросшую перед ними фигуру, сплетницы испуганно переглянулись.

— Думаешь, он наябедничает Се Чунъяню? — шепотом спросила одна.

— Да брось, — отмахнулась другая. — Обычный расчет и династический брак. Откуда там взяться чувствам?

В безлюдном коридоре у туалетных комнат пахло сыростью и дорогим одеколоном. Откуда-то из полумрака доносились глухие удары и хриплые, полные животного страха стоны. На этом фоне размеренный, монотонный стук капель из неисправного крана казался оглушительным.

Се Чунъянь стоял в самом центре этой мрачной сцены, бесстрастно взирая на скорчившегося у его ног человека. Стоявший поодаль Линь Юйтань брезгливо процедил:

— Чунъянь, кончай с ним. Этот слизняк едва ли скажет что-то путное.

Се Чунъянь держал в пальцах дымящуюся сигарету. Он медленно опустил голову. Взгляд, скользнувший из-за стекол золотых очков, заставил бы содрогнуться любого. От этого ледяного спокойствия мороз шел по коже. Зажав подбородок пленника стальными пальцами, Се Чунъянь тихо произнес:

— Задаю последний вопрос. Советую хорошенько подумать, прежде чем раскрыть рот.

Глаза избитого мужчины налились кровью, в мутном взоре читалась лишь отчаянная мольба о пощаде:

— Я... я все скажу... Спрашивайте...

— В тот день, когда мою мать увели, было ли у нее в руках что-то при себе?

Несчастный судорожно зажмурился, силясь раскопать в памяти крупички воспоминаний:

— Кажется... Да, точно! В руках было что-то белое...

Се Чунъянь разжал пальцы. На дрожащего от ужаса человека посыпался серый пепел.

— Разберитесь с ним, — бросил он сопровождающим, даже не взглянув на распростертое тело.

Окурок с шипением погас под подошвой дорогого туфля.

Поправив лацканы безупречного пиджака, Се Чунъянь развернулся и нос к носу столкнулся с Чэн Фанем.

Юноша застыл на месте. По его широко распахнутым глазам было ясно: он видел все от начала до конца. В душе Чэн Фаня бушевал вихрь противоречивых чувств. Прежде ему никогда не доводилось видеть Се Чунъяня таким — безжалостным, жестоким и пугающе холодным.

Мужчина не стал ни оправдываться, ни расспрашивать. Его лицо мгновенно приняло привычное спокойное выражение.

— Искал меня? — невозмутимо спросил он.

— Много о себе мнишь, — фыркнул Чэн Фань, пряча волнение за напускной грубостью. — Я просто шел в уборную.

Се Чунъянь приподнял брови и послушно отступил в сторону, освобождая проход:

— Иди. Я подожду здесь.

Прежде чем скрыться за дверью, Чэн Фань подозрительно зыркнул на него:

— И не вздумай подглядывать.

Се Чунъянь лишь тихо усмехнулся.

Когда юноша вышел, они вместе вернулись в главный зал, где благотворительный вечер приближался к кульминации — началу аукциона.

Их места располагались в самом центре первого ряда, бок о бок с Линь Юйтанем, его отцом и старшим братом. Ведущий со сцены велеречиво расписывал значимость благотворительного вечера, представляя лоты, присланные меценатами из-за рубежа.

Чэн Фань откровенно скучал, лениво переводя взгляд с одного предмета на другой, пока на экране не появилось изображение изящного украшения. Глаза юноши мгновенно зажглись

неподдельным интересом.

В этот момент внимание зала переключилось на Се Чунъяня. Одарив собравшихся безупречной, располагающей улыбкой, тот поднялся со своего места и уверенным шагом направился к трибуне.

Ему предстояло произнести речь на иностранном языке. Поскольку лот был безвозмездно передан меценатом из загадочной и далекой страны J, Се Чунъянь, выступая в роли ключевого партнера семьи Линь, взял на себя миссию выразить почтение дарителю и представить изысканное украшение публике. Язык этой страны считался редким и сложным, однако в устах Се Чунъяня чужеземная речь звучала на удивление плавно, певуче и изящно. Чэн Фань не понимал ни единого слова, но не мог оторвать взгляда от оратора.

Стоявший на сцене мужчина казался воплощением благородства, утонченности и мягкой силы. Тонкая золотая оправка очков придавала его облику легкий налет аристократичной холодности, свойственной ученым мужам.

"И какой же из них настоящий? — невольно задался вопросом Чэн Фань, вспоминая недавнюю расправу в темном коридоре. — Этот обходительный господин или тот безжалостный палач?"

Вскоре под бурные аплодисменты Се Чунъянь сошел со сцены и вернулся на свое место.

Ведущий объявил первый лот — ту самую подвеску, что приковала к себе внимание Чэн Фаня. Это была редчайшая нефритовая подвеска с барельефом, чей нежный, льдисто-голубой оттенок завораживал своей чистотой. На предстоящий экзамен в Университете К Чэн Фань планировал надеть свой лучший светло-голубой костюм, к которому никак не удавалось подобрать достойное украшение. Увидев этот нефритовый подвес, он понял: это идеальный финальный штрих.

— Стартовая цена — десять миллионов! — зычно провозгласил ведущий.

— Двенадцать миллионов! — тут же раздался голос из глубин зала.

— Тринадцать! — отозвалась дама в бриллиантах.

Ставки росли с невероятной скоростью. Чэн Фань завороченно следил за ходом торгов, гадая, кому же достанется эта изысканная вещица.

В этот момент Се Чунъянь спокойно поднял табличку:

— Восемнадцать миллионов.

Вокруг мгновенно воцарилась изумленная тишина. Се Чунъянь слегка наклонился к Чэн Фаню

и вкрадчиво прошептал ему на ухо:

— Если она тебе нравится, я куплю ее. Наденешь на экзамен.

Стоило Чэн Фаню слегка повернуть голову, как его щеки коснулось теплое дыхание мужчины. Сердце юноши предательски екнуло. В памяти тут же всплыл недавний разговор сплетниц о том, как Се Чунъянь когда-то осыпал безумно дорогими подарками свою первую любовь, Чэнь Мусина.

Справившись с волнением, Чэн Фань негромко спросил:

— Ты всегда так щедр к тем, кто тебе безразличен?

<http://bllate.org/book/19809/1996175>